

СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ, РАЗРАБОТКИ

Е.А.Степанова

ИГИЛ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ ИСЛАМИСТСКИЙ ТЕРРОРИЗМ

От редакции: В ноябре 2014 г. вышел в свет новый, второй по счету, выпуск *Глобального индекса терроризма (2014)* – Global Terrorism Index 2014 – который готовит Институт экономики и мира (Сидней–Нью-Йорк).¹ Выпуск содержит обзор основных тенденций в области террористической активности в мире и статистики по терроризму за период с 2000 по 2013 г. на основе Глобальной базы данных по терроризму (Global Terrorism Database – GTD). На ее основе Институт экономики и мира высчитывает индекс террористической активности для 162 стран мира.

Редакция представляет вниманию читателя перевод на русский язык одной из статей аналитического раздела «Глобального индекса терроризма–2014», автором которой является российский исследователь – руководитель Группы по исследованию мира и конфликтов ИМЭМО РАН и член редколлегии нашего журнала д.полит.наук Е.А.Степанова.²

Ключевые слова: Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ), транснациональный терроризм, Ирак, Сирия, Афганистан, сетевая фрагментация, «глобальный джихад», регионализация

Аннотация: Статья полемизирует с устаревшей интерпретацией любых региональных вооруженных группировок радикально-исламистского типа как прямых «продуктов» регионализации «аль-Каиды» по принципу «сверху вниз». В качестве двух основных направлений эволюции транснационального исламистского терроризма рассматриваются два других процесса: сетевая фрагментация движения “глобального джихада”, в том числе на Западе, и регионализация вооруженного исламизма по принципу «снизу вверх» на примере феномена Исламского государства Ирака и Леванта в ирако-сирийском контексте.

Keywords: Islamic State in Iraq and Levant (ISIL), transnational terrorism, Iraq, Syria, Afghanistan, network fragmentation, “global jihad”, regionalization

Abstract: The article questions the outdated interpretation of any regional militant-terrorist actors of the radical Islamist type as direct “products” of the process of the top-down regionalization of al-Qaeda. Instead it argues that the cutting edge of the evolution of transnational Islamist terrorism is formed by two only partially overlapping processes: the network fragmentation of the global jihad movement, including in the West, and the bottom-up, rather than top-down, regionalization of violent Islamism as demonstrated by the phenomenon of the Islamic State in Iraq and Levant (ISIL).

Подъем Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ)³ в ирако-сирийском контексте в 2014 г. произошел в условиях общего доминирования радикально-исламистских организаций на Ближнем Востоке, в Азии и Африке среди наиболее смертоносных вооруженно-террористических группировок мира. Параллельно продолжаются спорадические всплески «доморощенного», но транснационально ориентированного джихадистского терроризма на Западе. Феномен ИГИЛ также связан с более масштабным, чем обычно, притоком джихадистов из других конфликтных зон исламского мира и немусульманских стран. Все это усиливает путаницу между различными видами и уровнями транснационального терроризма исламистского типа и стимулирует спрос на чрезмерно упрощенные объяснения и схемы. В частности, в официальных кругах и медийном дискурсе как западных, так и многих других стран мира основным направлением транснационализации современного исламистского терроризма до сих пор нередко продолжает считаться регионализация «глобального джихада» по иерархическому принципу «сверху вниз» (т. е. в виде прямых региональных «подразделений», или «филиалов», «аль-Каиды» под ее непосредственным руководством).

Напротив, в данной статье эволюция транснационального исламистского терроризма рассматривается как гораздо более сложная и нелинейная. Ее основное направление формируют два идеологически взаимосвязанных, но самостоятельных и лишь отчасти пересекающихся процесса:

– во-первых, *сетевая фрагментация движения “глобального джихада”*, в том числе на Западе;

– а во-вторых, *регионализация вооруженного исламизма по принципу «снизу вверх»* (а не «сверху вниз») в наиболее широко интернационализированных зонах конфликтов и военно-террористической активности на Ближнем и Среднем Востоке.

I. Основные тенденции в области транснационального терроризма

Из всех тенденций в области современного терроризма с эволюцией транснационального терроризма исламистского типа наиболее тесно связаны следующие три.

(1) Резкий рост терроризма за период с начала XXI в. в целом и в последние годы, в частности. Рост террористической активности сочетается с ее крайне неравномерным распределением и сосредоточением большей ее части всего лишь в двух регионах мира, а в этих регионах – в зонах двух крупнейших трансграничных конфликтов.

Ни один из актуальных вызовов международной безопасности – от вспышки лихорадки Эбола до кризиса и конфликта на Украине как основной проблемы европейской безопасности – не способен отменить или затмить собой один простой факт: 2013-й год стал годом пиковой террористической активности в мире не только за период с начала XXI в., но за весь период, по которому вообще доступна статистика по терроризму (с 1970 г.). Особую

тревогу вызывает и тот факт, что предыдущие пиковые значения были зарегистрированы в 2012 и 2011 гг. (для числа терактов) и в 2012 г. (для числа погибших в терактах).⁴

При том, что террористическая активность находится на своем историческом пике и продолжает расти, она весьма неравномерно распределена по регионам мира и большая ее часть сконцентрирована в небольшом числе стран. Непропорционально сильное влияние на статистику терроризма после терактов 11 сентября 2001 г. оказывают два региона мира – Ближний Восток и Южная Азия (включая Афганистан и Пакистан). В свою очередь, в этих регионах значительная часть террористической активности приходится на два региональных центра притяжения – зоны крупных вооруженных конфликтов в Афганистане и Ираке (в последние годы в более широких – афгано-пакистанском и ирако-сирийском – контекстах). Типологически обе войны – в Ираке и Афганистане – это широко интернационализированные конфликты в мусульманских странах, которые разгорелись в форме вооруженного противостояния повстанческо-террористических движений против западных интервентов и поддерживаемых ими слабых местных правительств. Последующее изменение формы интернационализации иракского и афганского конфликтов в результате вывода большей части западных сил из Ирака и Афганистана и оставленные ими у власти (полу)марионеточные правительства не улучшили ситуацию ни в той, ни в другой конфликтной зоне.

(2) Устойчивое преобладание *региональных радикально-исламистских группировок и движений* среди наиболее активных и смертоносных вооруженно-террористических организаций в мире. В 2012 г. только на шесть наиболее активных террористических группировок (все – радикально-исламистского толка) пришлось около 5000 человек жертв убитыми, т. е. почти половина всех погибших в терактах в мире.⁵ В 2013 г. все наиболее смертоносные повстанческо-террористические группировки в мире носили радикально-исламистский характер, включая Талибан в Афганистане, Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ), «Техрик-э-Талибан Пакистан», «Боко харам» (Нигерия), «Лашкар-э-Джангви» (Пакистан), «Джабхат ан-Нусра» (Сирия) и «аш-Шабаб» (Сомали). Показательно, что все эти группировки и движения, помимо активного использования ими террористических методов, также являлись комбатантами – одной из военных сторон в крупных вооруженных конфликтах в соответствующих странах. При этом все они имели или приобретают значительное трансграничное измерение и развиваются в направлении дальнейшей регионализации своей военно-политической, террористической и иной активности. В отличие от этих группировок и движений, например, собственно «аль-Каида» в 2012–2013 гг. не совершила ни одного теракта.

(3) *Дальнейшая транснационализация терроризма всех видов и на всех уровнях вооруженно-террористической активности, которые различаются в основном по масштабу конечных целей той или иной группировки –*

локальному, региональному или глобальному. В современном глобализирующемся мире терроризм на разных уровнях мировой политики от локального до глобального различается, скорее, по глубине и качеству транснационализации, чем по наличию или отсутствию ее признаков. В целом, транснационализация современного терроризма носит, скорее, качественный, чем количественный характер. Несмотря на то, что, в количественном измерении, из более 2000 террористических группировок, отслеживаемых специалистами Глобальной базы данных по терроризму (Global Terrorism Database / GTD) лишь немногие наносят удары по «мягким мишеням» на иностранной территории,⁶ в качественном отношении размывается сама грань между «внутренним» и «международным» терроризмом. Сегодня даже террористические группировки с крайне локализованной повесткой дня все активнее пытаются транснационализировать некоторые или большинство аспектов своей логистики, пропаганды, системы финансирования, подготовки и т. д. Террористические акторы определенных мотивационно-идеологических типов (например, джихадистские ячейки на Западе) нередко адресуют свои теракты именно «миру в целом» и совершают их во имя подчеркнуто транснациональных или глобальных целей – даже если они в основном или целиком полагаются на местные ресурсы и/или не обязательно покидают страну своего проживания. При этом, в условиях не просто глобализации, а набирающей силу *глокализации* (противонаправленных процессов глобализации и локализации), транснационализация терроризма совершенно не обязательно означает его выстраивание или встраивание в какую-то жесткую вертикальную иерархию – она не только исключает, но и порой даже предполагает, определенную степень его фрагментации.

В условиях, когда терроризм на любом уровне сегодня так или иначе транснационализирован, критическое значение приобретает степень и качество этой транснационализации. В мире где даже локальные вооруженные группировки могут иметь широкую транснациональную систему финансирования или автоматически ставить под удар граждан сразу несколько стран путем совершения терактов в крупных современных мегаполисах, главным критерием определения качественного уровня транснационализации терроризма становится *масштаб конечных целей* той или иной группировки – *локальный, региональный или глобальный.*

II. Сетевая фрагментация движения «глобального джихада»

Большая часть террористическая активности в мире приходится на вооруженных акторов, которые преследуют относительно *ограниченные* цели в *локально-региональных контекстах.*

В отличие от них, более поздний феномен так называемого глобального терроризма (который в основном ассоциируется с «аль-Каидой») продвигает подчеркнуто универсалистскую повестку дня *в глобальном контексте* и, в конечном счете, преследует экзистенциальные, неограниченные цели, которые в принципе не могут служить предметом переговоров (например, смена мирового порядка в пользу «глобального халифата»). Такой терроризм по

своей природе *экстерриториален*, т. е. не привязан лишь к какой-то одной или нескольким странам, локально-региональным контекстам и конфликтным зонам. Экстерриториальность предполагает присутствие или возможность появления адептов и ячеек «глобального джихада» в разных странах и регионах мира, в том числе немусульманских. При этом экстерриториальность движения «глобального джихада» не следует путать с его полным «глобальным покрытием»: асимметричный характер терроризма позволяет действиям этих ячеек и сетей иметь глобальный эффект, совершенно не требуя при этом их повсеместного физического присутствия.

Более десяти лет спустя после терактов 11 сентября 2001 г. «аль-Каида» продолжает привлекать к себе непропорционально большое внимание, несмотря на минимальное число напрямую связанных с ней терактов, вооруженных адептов и идеологов. Это непропорционально большое внимание отчасти объясняется тем, что наиболее заметные цели и мишени «аль-Каиды» либо физически расположены в развитом западном мире, либо напрямую с ним ассоциируются. Отчасти оно является реакцией на значительный антисистемный потенциал наднациональной идеологии «глобального джихада», которая предлагает крайне радикальный и реакционный ответ, но на крайне актуальные вопросы и вызовы современного глобализирующегося мира.

Тем не менее, в середине 2010-х гг., после более чем десятилетней массивированной кампании против «аль-Каиды» и физической ликвидации большинства из первого поколения ее лидеров, включая Усаму бен Ладена, уместно – и уже пора – задаться следующим вопросом. Как так случилось, что ассоциируемое с «аль-Каидой» движение «глобального джихада» до сих пор считается чуть ли не главной террористической угрозой международной безопасности (или одной из главных угроз), если в начале 2010-х гг. «аль-Каида» как таковая уже не входила даже в первую двадцатку наиболее опасных террористических группировок в мире (и, например, из более 5000 терактов в 2011 г. была ответственна лишь за одно похищение,⁷ а в 2012–2013 гг. вообще не совершила ни одного теракта)?⁸ Ответ на этот вопрос непросто и связан с динамичным процессом организационно-структурной трансформацией движения «глобального джихада» и его адаптации к меняющимся внешним условиям.

Существуют две основных интерпретации эволюции движения «глобального джихада». Хотя обе они подразумевают определенную степень фрагментации первоначальной «аль-Каиды» образца конца 1990-х – рубежа веков, первый подход рассматривает этот процесс как *регионализацию по принципу «сверху вниз»*. С конца 2000-х гг. эта интерпретация стала преобладать в политическом и экспертном мейнстриме США и Запада в целом. Согласно этой интерпретации, движение «глобального джихада» подразделяется на три основных уровня. Во-первых, она сохраняет определенные функции прямого стратегического командования и контроля за тем, что осталось от «ядра аль-Каиды» (или «центральной аль-Каиды») в Пакистане и афгано-пакистанском контексте. Во-вторых, утверждается, что основной «центр силы» движения сместился в сторону нескольких крупных, хорошо структурированных и внутренне жестко консолидированных

«региональных филиалов» «аль-Каиды» в мусульманском мире (которые находятся в прямой субординации к «центральной аль-Каиде»). Такими «региональными филиалами» обычно считают «аль-Каиду на Аравийском полуострове», «аль-Каиду в странах Исламского Магриба», «аль-Каиду в Ираке» и даже свои «аль-Каиды» в районе Африканского Рога и в Юго-Восточной Азии. Третий, дополнительный уровень движения формируют так называемые идеологические адепты, или последователи, «аль-Каиды», которые «знакомы с ней только по ее идеологии», но «готовы на акты насилия во имя нее»⁹ Это, как правило, небольшие ячейки или отдельные лица, причем наиболее активные не столько в мусульманских странах, сколько в мусульманских диаспорах на Западе. Однако в рамках доминирующего на Западе первого подхода к эволюции «аль-Каиды», активность этих более мелких, автономных «идеологических» ячеек и сетей рассматривается, скорее, как признак организационной деградации «аль-Каиды», которая, естественно, подается как результат сильного антитеррористического давления на нее со стороны США и их союзников.

Второй, альтернативный подход, который продвигает и автор этой статьи, делается упор именно на процесс *сетевой фрагментации* движения «глобального джихада» как на основное и наиболее динамичное направление его эволюции.¹⁰ Этот подход отрицает сохранение «ядром аль-Каиды» на нынешнем этапе каких-либо остаточных функций стратегического командования, оставляя за ним и за его оставшимися лидерами (включая Аймана аз-Завахири) лишь символическое и идеологическое значение. Этот подход в принципе не отвергает возможность существования «региональных филиалов» «аль-Каиды» в мусульманских регионах (правда, на эту роль относительно подходят, пожалуй, лишь «аль-Каида на Аравийском полуострове», сохраняющая генетические и прямые персональные связи с историческим ядром «аль-Каиды» и, в меньшей степени, «аль-Каида в странах Исламского Магриба»). Тем не менее, этот подход ставит под сомнение интерпретацию «глобального джихада» как единой жесткой вертикали «исламистского интернационала», иерархически интегрированного по принципу «сверху вниз» и подразделенного на крупные, четко организованные и строго подотчетные «центру» региональные филиалы. Большинство из так называемых региональных филиалов имеют длительную предысторию и сильные местные корни в своих регионах. Их основная повестка дня и приоритеты неразрывно связаны с соответствующими региональными контекстами и локально-региональными конфликтами. Выход этих движений на региональный уровень и соответствующее расширение и апгрейд их вооруженно-террористической активности осуществлялись по принципу «снизу вверх» (а не по принципу «сверху вниз» и не по команде из какого-либо вышестоящего «центра» или «генерального штаба»). Отдельные заявления этих региональных группировок о поддержке ими «аль-Каиды» и даже, в некоторых случаях, «клятвы верности» ей носили больше символический и декларативный, чем содержательный характер и не вылились ни в субординацию, ни даже (за исключением «аль-Каиды на Аравийском полуострове») в какие-либо устойчиво налаженные связи с «ядром аль-Каиды».

Напротив, именно более мелкие автономные ячейки экстерриториального типа, связанные друг с другом лишь общей идеологией и ощущением принадлежности к широкому сетевому движению, активные в нескольких десятках стран и продвигающие подчеркнуто глобальную, «вселенскую» повестку дня рассматриваются в качестве наиболее убежденных последователей идеологии – и участников движения – именно «глобального» джихада и наиболее динамичного направления эволюции его организационных форм. Суть такой *сетевой фрагментации* лучше всего передает концепция «джихада индивидуальных ячеек» Абу Мусаба ас-Сури¹¹ (а на Западе – теория «безлидерного джихада», выдвинутая М.Сэдджманом в одноименной книге).¹²

Сетевая фрагментация не требует агрессивного централизованного рекрутирования новобранцев в уже сложившуюся жесткую организационную структуру – скорее, адептов вдохновляют на то, чтобы самим формировать автономные ячейки в тех или иных конкретных условиях с целью продвижения идеологии и целей движения в целом. При этом призыв к образованию джихадистской ячейки апеллирует не только к политико-идеологическим воззрениям будущих джихадистов, но и, в не меньшей степени, к стремлению молодых людей к «славе» и своеобразно трактуемому внутреннему этическому императиву (согласно которому вооруженный джихад – это индивидуальный морально-нравственный долг мусульманина). В отличие от исламистских группировок и движений, неразрывно привязанных к конкретным локально-региональным контекстам и вооруженным конфликтам на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке и Азии, этот тип джихадистских ячеек поистине экстерриториален и, как подчеркивалось ранее, большинство таких ячеек формируется в западных, а не мусульманских странах. Несмотря на многообразие путей радикализации и формирования таких ячеек, отсутствие формальных связей между ними или скрытый (латентный) характер таких связей, всех их объединяет идеология «глобального джихада» и все они вместе образуют – и считают себя частями – гибкого и динамичного, но устойчивого транснационального движения сетевого типа.

При всей маргинальности движения «глобального джихада», оно все еще может представлять серьезную угрозу международной безопасности. Эта угроза несет в себе, по крайней мере, два аспекта.

Во-первых, в последние годы на Западе наблюдается постепенный рост «доморощенного» джихадистского терроризма именно глобальной ориентации – даже несмотря на параллельную фрагментацию такого насилия (которая проявляется в преобладании совсем небольших микро-ячеек и растущей доли «одиночек» среди джихадистов). Некоторые из таких «одиночных» игроков – так называемые «одинокие волки» – действуют полностью самостоятельно (например, майор Нидаль Хасан, устроивший отстрел военных и гражданских сотрудников базы «Форт-Худ» в американском Техасе в ноябре 2009 г.). Другие действуют либо как сетевые агенты, либо даже по собственной инициативе, но пользуясь определенными оперативными и иными сетевыми связями и контактами.¹³

С одной стороны, такой фрагментированный джихадистский терроризм на Западе особенно трудно поддается отслеживанию (даже несмотря на

значительную степень инфильтрации информаторов спецслужб в ряды потенциальных джихадистов): отдельные лица или ячейки этого типа могут вообще не вступать в контакт с другими, в том числе уже известными, террористическими группировками, не обязательно получают специальную подготовку в своей стране или за рубежом и часто приобретают оружие и другие необходимые для теракта материалы самостоятельно и из (полу)легальных источников. С другой стороны, для терроризма этого типа обычно характерна определенная нестыковка между высокой степенью идеологизированности и большими политико-идеологическими амбициями западных джихадистов – и их ограниченными практическими возможностями вести эффективную террористическую деятельность. Так, многие западные джихадисты не имеют предыдущего опыта применения вооруженного насилия (если только в состав ячейки не входит ветеран какого-нибудь вооруженного конфликта за рубежом или ее члены не получили спецподготовки). Эта нестыковка нередко приводит к провалу планируемых терактов и отчасти объясняет, почему, несмотря на то, что до половины всех планируемых западными джихадистами терактов нацелены на массовые жертвы, лишь несколько таких атак за 13 лет после 11 сентября 2001 г. реально привели к массовым жертвам.¹⁴

Во-вторых, фрагментированные сети состоявшихся и потенциальных «глобального джихада» формируют естественный пул для потока и набора западных джихадистов-добровольцев в зоны вооруженных конфликтов в мусульманском мире. Таких джихадистов особенно сильно притягивают конфликты определенного типа – широко интернационализированные (включающие внешние интервенции и другое вмешательство извне) конфликты в странах, где отсутствует функциональная государственная власть или где ее функциональность ограничена. Кроме того, западные джихадисты не обязательно, но нередко поддерживают транснациональные связи и более ограниченного типа – например, имеют несколько прямых (личных) иностранных контактов в джихадистских кругах или даже предпринимают поездки в конфликтные зоны (часто – к себе на родину) в поиске как идеологического вдохновения, так и базовой вооруженной подготовки или спецподготовки к ведению террористической деятельности. Растущее беспокойство вызывает все более двусторонний характер этих транснациональных потоков вооруженных джихадистов и других их связей: особенно в контексте подъема региональных радикально-исламистских организаций в ирако-сирийском контексте (таких, как «Джабхат ан-Нусра» и особенно ИГИЛ). Этот «театр» привлек к себе больше иностранных джихадистов, чем любой другой театр военных действий со времен войны в Афганистане 1980-х гг. При этом только в сирийском контексте западные, прежде всего европейские, джихадисты впервые составляют не менее четверти всех иностранных джихадистов¹⁵ – непропорционально большую долю. Для Запада это весьма тревожный знак. Возможное возвращение даже части этих джихадистов (только теперь уже в виде не необстрелянных юнцов, а закаленных боевиков-ветеранов) может, во-первых, стимулировать создание новых экстремистских и террористических сетей – даже несмотря на то, что

пока лишь небольшое процент из числа таких «возвращенцев» из конфликтных зон был замешан в террористической активности.¹⁶ Во-вторых, возвращение джихадистов из зоны ирако-сирийского и других конфликтов может помочь преодолеть ту нестыковку между крайне амбициозными целями и весьма ограниченными возможностями и «террористической квалификацией», которая пока позволяла предотвращать большинство возможных терактов с массовыми жертвами на Западе.

Тем не менее, хотя сетевая фрагментация «глобального джихада» (которая проявляет себя на Западе больше, чем где бы то ни было еще) и несет в себе серьезные угрозы, она все же представляет собой менее критичную проблему международной безопасности, чем процесс регионализации радикально-исламистского военно-политического и террористического потенциала по принципу «снизу вверх».

III. ИГИЛ: регионализация по принципу «снизу вверх»

Регионализация (выход на региональный уровень) повстанческо-террористических группировок исламистского типа, имеющих определенную территориальную базу, наблюдается в разных регионах мира. Однако она становится объектом острого беспокойства и пристального внимания со стороны международного сообщества только в таких региональных контекстах, для которых характерно сочетание хронической слабости или развала государственной власти и затяжных и масштабных вооруженных конфликтов, в том числе полноценных гражданских войн типа сирийской, с высокой степенью их транснационализации и/или даже формальной интернационализации (иностранного военного присутствия и вооруженных интервенций). Именно в таких условиях регионализация ранее более локального вооруженного движения может вести к *консолидации* (а не фрагментации) его военно-политического потенциала и к качественному апгрейду его террористической активности, а не к снижению ее интенсивности и смертоносности. Эта тенденция нигде не проявила себя так явно, как в контексте текущего кризиса внутри и вокруг Ирака и в виде трансграничного феномена ИГИЛ в ирако-сирийском контексте.

Ирак возглавляет список стран, сильнее всего затронутых терроризмом, еще с середины 2000-х гг. (когда террористические методы стали активно использоваться вооруженным сопротивлением иностранным интервентам во главе с США и установленному ими марионеточному правительству) – т. е. задолго до того, как феномен ИГИЛ сформировался в его нынешнем виде. Еще в первое десятилетие после 2001 г. (2002–2011 гг.) только на Ирак пришлось более трети всех убитых в терактах в мире.¹⁷ Однако к середине 2010-х гг. главным импульсом и движущей силой повстанческого, террористического и сектарного (конфессионального) насилия в регионе уже стала активность ИГИЛ и ряда более мелких радикально-исламистских группировок в расширенном, трансграничном *ирако-сирийском контексте*. ИГИЛ объединяет в себе мощную идеологию, серьезные амбиции в области (исламского) государственного строительства и квазигосударственный потенциал и

действует одновременно на территории сразу двух ослабленных и (полу)распавшихся государств – в Ираке (хронически недееспособном государстве после десятилетнего иностранной интервенции) и в Сирии (сильно обескровленной продолжающейся жестокой гражданской войной). В этом смысле ИГИЛ служит даже более наглядным примером полноценной регионализации вооруженно-террористической группировки, чем трансграничная активность и сам феномен движения Талибан в афгано-пакистанском контексте.

Формирование и эволюция ИГИЛ в направлении регионализации по принципу «снизу вверх» следует рассматривать с двух сторон: с точки зрения (1) внутривнутриполитической динамики и конфликтов в Ираке и Сирии и того, как она пересекается с региональным измерением и накладывается на внутривнутрирегиональные противоречия и (2) более широких связей с транснациональным радикальным исламизмом.

Во-первых, ни одно другое крупное радикально-исламистское движение, развивающееся в направлении дальнейшей регионализации, не было так сильно движимо *внутригосударственными* и *внутрирегиональными* факторами, как ИГИЛ (даже если эта динамика была частично искажена, а частично запущена и стимулирована предшествующей американской интервенцией в Ираке). Неформальная, но широкая транснационализация гражданской войны в Сирии с обеих сторон вооруженного противостояния также – в основном, хотя и не исключительно – является производной внутривнутрирегиональных противоречий на Ближнем и Среднем Востоке.

Из всех факторов и условий, которые стоят за подъемом ИГИЛ в 2014 г. и его успехами (значительными в военной области и пока более скромными в области строительства исламского государства), все более специфичные факторы, оказавшие на ИГИЛ самое прямое и непосредственное влияние, являются *внутренними* для стран и региона, о которых идет речь. Они включают острое недовольство самых разных групп и слоев иракских суннитов – от бывших светских баасистов и суннитских племенных группировок до радикальных исламистов – своей растущей политической и социально-экономической маргинализацией и правительственными репрессиями. Ранее этот растущее недовольство уже послужило питательной средой для вооруженного сопротивления американским интервентам, однако оно продолжало накапливаться и после вывода из Ирака основных иностранных сил, при правительстве Нури аль-Малики, приобретавшем все более выраженный сектарный (шиитский) характер. Ситуацию усугубляла ограниченная функциональность и низкая легитимность непопулярного, но все более авторитарного иракского режима, доставшегося Ираку «в наследство» от иностранного военного присутствия во главе с США. Параллельно разгоревшаяся в соседней Сирии кровавая гражданская война дала ИГИЛ как наиболее радикальной части иракской суннитской оппозиции новый стимул и «окно возможностей» в плане обретения убежища на сирийской территории, а потом и второй страны базирования, распространения вооруженной активности за пределы иракских границ и обеспечения устойчивого самофинансирования за счет контроля над контрабандными потоками нефти (и все это еще до 2014 г.,

когда ИГИЛ перенесла центра своей активности обратно в Ирак).

Неудивительно, что наиболее тяжелые последствия вооруженной и иной активности ИГИЛ после обретения им полноценного трансграничного регионального характера пришлось, прежде всего, на страны самого региона. Феномен ИГИЛ угрожает нанести мощнейший, хотя и не обязательно окончательный, удар одновременно по, по крайней мере, двум уже ослабленным и обескровленным государствам, что придает новый качественный импульс более широкой дестабилизации региона на стыке Ближнего и Среднего Востока, который и так уже более десяти лет служит основным центром террористической (и вооруженной) активности в мире.

Во-вторых, связи ИГИЛ с транснациональным исламистским терроризмом также нуждаются в прояснении. В политических и медийных кругах нынешняя ИГИЛ, как и ее предыдущие «издания», до сих пор нередко подается не как самостоятельная и самодостаточная организация, а как не более чем подразделение «глобального джихада» под руководством «центральной аль-Каиды». Такая интерпретация обычно упирает на два момента: (а) на предысторию ИГИЛ в Ираке, особенно на так называемую «аль-Каиду в Ираке» и (б) на беспрецедентно широкое присутствие иностранных боевиков-джихадистов среди рядового состава и частично командования ИГИЛ.

Исламистское ядро того, что сейчас известно как ИГИЛ (а ранее – как «Исламское государство в Ираке», а еще раньше – как «аль-Каида в Ираке») сформировалось вскоре после вооруженной интервенции 2003 г. во главе с США непосредственно в ходе усиливавшегося и принимавшего все более радикальный характер сопротивления иностранным войскам и их местным союзникам. Первый лидер этой иракской исламистской группировки Абу Мусаб аз-Заркауи был крайне противоречивой фигурой с двусмысленными связями как в джихадистских кругах, так и вне их и с репутацией «двойного агента». Он успел сделать несколько заявлений о поддержке «аль-Каиды» и лояльности ей; также при нем в названии организации была ссылка на «аль-Каиду» («аль-Каида в Ираке»), от которой группировка немедленно отказалась сразу после его гибели в 2006 г.; наконец, именно аз-Заркауи стал наиболее активно практиковать в Ираке демонстративные теракты с массовыми жертвами. Всего этого оказалось вполне достаточно, чтобы приклеить к группировке ярлык «подразделения аль-Каиды». Хотя такая привязка успешно служила цели дискредитации вооруженной суннитской оппозиции американской интервенции и оккупации Ирака, она не отражала реальной сути, состава и целей группировки. Ее главной целью оставалось освобождение Ирака и создание в Ираке исламского государства взамен западного протектората, а абсолютное большинство ее рядов бойцов и командиров были иракцами (тогда как доля иностранных боевиков не превышала 4-10%).¹⁸ К концу 2006 г. группировка стала одной из крупнейших повстанческих сил в Ираке и ядром исламистской части вооруженной антиправительственной оппозиции и переименовала себя в «Исламское государство в Ираке».

Усилившееся давление со стороны американских войск и ряда лояльных им суннитских племен, в рамках кампании так называемого «усиления» военного присутствия в конце 2000-х гг., а также позднее со стороны

правительственных формирований Ирака и их шиитских союзников позволила временно вытеснить основные силы «Исламского государства» из Ирака в соседнюю Сирию. Идущая там с 2011 г. гражданская война стала мощной подпиткой этой группировке и превратила ее в одного из крупнейших игроков на радикально-исламистском фланге вооруженной сирийской оппозиции. Хотя группировка вступила в сирийскую гражданскую войну на стороне джихадистской части оппозиции, после того, как она объявила себя уже «Исламским государством Ирака и Леванта» (т. е. Ирака и всего восточного Средиземноморья) и попыталась объединить под своим контролем и другие исламистские группировки, ее отношения с другой крупной джихадистской организацией «Джабхат ан-Нусра» испортились, вплоть до столкновений между ними. Показательно, что в конфликте между ИГИЛ и «ан-Нусрой» в Сирии политическая и идеологическая поддержка со стороны «центральной аль-Каиды» оказалась не на стороне ИГИЛ. После того, как ИГИЛ перенесла центр своей активности обратно в Ирак, пользуясь обострением напряженности между шиитским правительством аль-Малики и иракскими суннитами, главный рупор «аль-Каиды» Айман аз-Завахири еще в феврале 2014 г. (т. е. за несколько месяцев до начала «победного шествия» ИГИЛ по территории Ирака) официально отказал ИГИЛ в какой-либо поддержке или откестился от любой аффилиации с ней.¹⁹

Отсутствие благословения со стороны «аль-Каиды» совершенно не помешало тысячам иностранных джихадистов (часть которых просто переключилась с сирийского фронта на иракский) примкнуть к ИГИЛ, которую отличала все более четкая система военной организации и все более солидная финансовая основа. Общая численность иностранных джихадистов, их доля от общего числа боевиков и состав носят очень динамичный характер и их вряд ли можно точно оценить на данном этапе. Однако даже на основе доступной информации можно сделать два предварительных вывода. Во-первых, если близкий к армейскому боевой потенциал ИГИЛ в основном является заслугой вошедших в его состав, в том числе командный, профессиональных иракских военных и сотрудников спецслужб из числа бывших баасистов (которые, по некоторым данным, составляют до трети всех заместителей лидера группировки Абу Бакра аль-Багдади), то иностранные джихадисты в рядах ИГИЛ, в свою очередь, играют непропорционально большую роль в террористическом и других особо жестоких формах насилия (включая обезглавливания). Во-вторых, *именно приток западных джихадистов, исповедующих подчеркнута «глобальную», универсалистскую версию джихада, стал основной связью между региональной ИГИЛ и глобальной повесткой дня транснационального исламизма.* В этом смысле джихадисты – выходцы из западных стран играют даже более важную роль, чем идеологический символизм «исторического ядра аль-Каиды» или влияние джихадистов из зон других локально-региональных конфликтов (от крупных конфликтов в разваливающихся государствах типа Афганистана, Сомали или Йемена – до периферийных конфликтов исламистско-сепаратистского типа на территории полностью функциональных государств в Азии и Евразии).

***

Навязчивые попытки свести любые повстанческо-террористические движения исламистского типа в зонах транснационализированных вооруженных конфликтов к прямым «подразделениям» или «филиалам» «исторического ядра аль-Каиды» по схеме регионализации «сверху вниз» уже сыграли свою роль в том, что в самом регионе, а также на Западе и в более широком международном масштабе проглядели подъем ИГИЛ. Это трансграничное, региональное движение не просто крайне радикально в своих идеологических воззрениях и методах, но еще и эффективно с точки зрения ведения военных действий, а потенциально – и обеспечения базовой функциональности насаждаемой им системы власти, и сумело относительно быстро приспособиться к воздушным ударам со стороны коалиции во главе с США при участии их западных и арабских союзников. Процесс регионализации ИГИЛ шел по принципу «снизу вверх», а не «сверху вниз», в основном под влиянием таких факторов, как внутрорегиональные и сектарные противоречия и развал и/или слабость государственной власти (в том числе в результате предыдущей иностранной интервенции). Если ИГИЛ и имеет связь с идеологией и повесткой дня «глобального джихада», то в основном благодаря значительному присутствию иностранных, особенно западных, джихадистов с их подчеркнuto универсалистскими, глобалистскими взглядами.

Однако, в отличие от «аль-Каиды» и адептов «глобального джихада» как на Западе, так и на Востоке, ИГИЛ не преследует и не ставит на первый план абсолютно абстрактные, утопические глобальные цели. При этом именно полная погруженность ИГИЛ в региональный контекст, его гораздо более реалистичные и осязаемые цели и задачи, а главное, его нежелание упустить шанс построить трансграничное исламское государство *здесь и сейчас* делают это движение не менее, а возможно и более, серьезным вызовом международной безопасности, чем «центральная аль-Каида» с любыми ее «филиалами» и «микро-клонами».

Вопрос о том, является ли феномен ИГИЛ, скорее, исключением или он сигнализирует формирование более широкой тенденции, пока остается открытым. Однако представляется, что ряд самых смертоносных вооруженно-террористических группировок исламистского типа в зонах наиболее интенсивных конфликтов в мире (от афганских и пакистанских талибов до «Боко харам» в Нигерии или «аш-Шабаб» в Сомали) развиваются или могут двигаться в том же направлении, что и ИГИЛ – особенно если в соответствующих регионах уже имеет место или может сложиться сочетание нефункциональных или развалившихся государств, острых региональных противоречий и разделительных линий и неудачных военных интервенций извне. Все это дает достаточные основания для того, чтобы считать регионализацию радикально-исламистских движений по принципу «снизу вверх» одной из потенциально наиболее тревожных тенденций в области транснационального терроризма исламистского толка.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ Global Terrorism Index 2014: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism. – Sydney, N.Y., L.: Institute of Economics & Peace, 2014. 91 P. <http://www.visionofhumanity.org/sites/default/files/Global%20Terrorism%20Index%20Report%202014_0.pdf>.

² Stepanova E. Transnational Islamist terrorism: network fragmentation and bottom-up regionalization // Global Terrorism Index 2014: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism. – Sydney, N.Y., L.: Institute of Economics & Peace, 2014. P. 74–78.

³ 29 июня 2014 г. ИГИЛ поменяло свое название на «Исламское государство» (ИС), однако его продолжают называть «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) или «Исламское государство в Ираке и Сирии» (ИГИС).

⁴ 2013-й год – последний, по которому, на время написания статьи, была доступна полная статистика Глобальной базы данных по терроризму: Global Terrorism Database (GTD) / National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START). – College Park (MD): University of Maryland, 2014. <<http://www.start.umd.edu/data/gtd>>.

⁵ Testimony by W.Braniff, Executive Director, START, University of Maryland, before the U.S. House Armed Services Committee Hearing on the State of Al Qaeda, its Affiliates, and Associated Groups: View From Outside Experts. – Washington, DC: United States House of Representatives, 4 Feb. 2014. P. 3.

⁶ Global Terrorism Database 2014.

⁷ Global Terrorism Index: Capturing the Impact of Terrorism in 2002-2011. – Sydney; N.Y.: Institute for Economics and Peace, 2012. P. 6. <http://www.visionofhumanity.org/sites/default/files/2012_Global_Terrorism_Index_Report.pdf>.

⁸ Testimony by W.Braniff. Op. cit. P. 3.

⁹ National Strategy for Counterterrorism. – Washington D.C.: The White House, 28 June 2011. P. 19.

¹⁰ Stepanova E. The evolution of the al-Qaeda-type terrorism: networks and beyond // Dynamics of Political Violence: A Process-Oriented Perspective on Radicalization and the Escalation of Political Conflict / Ed. by L.Bossi et al. – Farnham (VA): Ashgate, 2014. P. 288-305.

¹¹ Al-Suri A.M. The Call to Global Islamic Resistance / CENTRA Technology, Inc.; trans. from Arabic. – DCIA Counterterrorism Center, Office of Terrorism Analysis, 2004. P. 1367–1368.

¹² Sageman M. Leaderless Jihad: Terror Networks in the Twenty-First Century. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007.

¹³ См., например, Nesser P. Single actor terrorism: scope, characteristics and explanations // Perspectives on Terrorism. 2012. V. 6. № 6. P. 61–73.

---

¹⁴ С конца 2001 г. по конец 2014 г. на Западе было совершено только 4 теракта джихадистского типа с массовыми жертвами: взрывы на вокзале Аточа в Мадриде (11 марта 2004 г.) и в метро и в автобусе в Лондоне (7 июля 2005 г.), массовый отстрел персонала на базе Форт-Худ (Техас, США) в ноябре 2009 г. и взрывы на Бостонском марафоне (апрель 2013 г.).

¹⁵ См статистику по Сирии: Zelin A.Y. Up to 11,000 foreign fighters in Syria; steep rise among Western Europeans / ICSR Insight. – L.: International Centre for the Study of Radicalisation (ICSR), 17 Dec. 2013. Оценки численности иностранных боевиков ИГИЛ в более широком ирако-сирийском контексте – еще выше, но сильно разнятся.

¹⁶ Подробнее см.: Hegghammer T., “Should I stay or should I go? Explaining variation in Western jihadists’ choice between domestic and foreign fighting,” in *American Political Science Review*, vol. 107, no. 1 (Feb. 2013), p. 10.

¹⁷ *Global Terrorism Index 2012*. P. 12.

¹⁸ Baker J., Hamilton L. *The Iraq Study Group Report*. – Washington D.C.: Iraq Study Group, 2006.

¹⁹ Bayoumi A., Harding L. *Mapping Iraq's fighting groups // Al-Jazeera*. 27 June 2014; *The Evolution of the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL): Relationships 2004-2014 / START Fact Sheet*. – College Park (MD): National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START), University of Maryland, June 2014.